

Ираклий АНДРОНИКОВ, из воспоминаний "К музыке" ("Музычна Украина", Киев)

ОБ ОДНОМ ПИСЬМЕ П.И. ЧАЙКОВСКОГО

Материалы Музея музыкальной культуры наводят на размышления об отношениях музыкантов друг к другу, о чувстве общего дела. В этой связи мне хочется рассказать о письме Петра Ильича Чайковского из коллекции А.Е. Бурцева, которая, как уже сказано, была обнаружена мною в Казахстане, в Актюбинске, несколько лет спустя после войны.

Бурцев старательно коллекционировал рукописи не только писателей, художников и актеров, его привлекали также и автографы музыкантов. В актюбинском чемодане хранились рукописи А.Львова, А.Серова, А.Рубинштейна, П.Чайковского, Н.Римского-Корсакова, Ц.Кюи, Э.Направника, Г.Ломакина, А.Фаминцына, Н.Соловьева, Г.Лишина, С.Танеева, А.Глазунова, С.Рахманинова.

Но актюбинский чемодан заключал в себе только часть коллекции, оставшейся после Бурцева и перешедшей к его наследникам. Другая во время Великой Отечественной войны была брошена на произвол судьбы в Астрахани, лежала в корзине на чердаке и, к великому сожалению, не уцелела. Только малая часть документов, находившихся в этой корзине, попала в Астраханскую картинную галерею, в том числе пятнадцать писем М.Глинки к певице П.Бартеневой, в 1950 году их опубликовал В.А.Киселев. Ныне актюбинские и уцелевшие астраханские автографы хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве.

Так вот, из найденных мною в Актюбинске рукописей русских музыкантов наиболее интересны письма Чайковского и особенно письмо его к композитору и музыкальному критику Николаю Феопемптовичу Соловьеву (его архив побывал в руках Бурцева). Написано оно по поводу оперы Соловьева "Корделия".

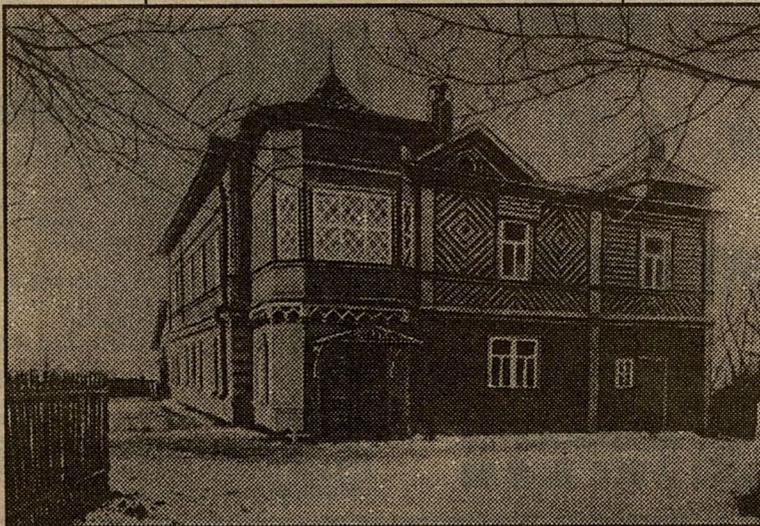
Разберемся в его истории.

Зимой 1884 – 1885 годов артист московского Большого театра Б.Корсов, пригласив Чайковского к себе в гости, познакомил его с "Корделией" – новой оперой профессора Петербургской консерватории Н.Соловьева. Корсов был дружен с ним и принимал некоторое участие в создании оперы: ему принадлежали план и сценарий "Корделии". В основу этого сценария Б.Корсов положил драму Викторьена Сарду "Ненависть", сюжет которой построен на борьбе партий, враждовавших между собою в Сиене в XV веке. Стихотворное либретто написал по этому плану П.Бронников. Опера была принята на Мариинскую сцену (первое представление состоялось 12 ноября 1885 года). Партию Корделии должна была исполнять известная певица Э.Павловская, хорошая знакомая Чайковского. Одновременно "Корделия" разучивалась в Большом театре в Москве: в партии Орсо готовился выступить сам Корсов, заинтересованный, таким образом, в успехе оперы Соловьева трижды – как друг и соавтор композитора и как будущий исполнитель.

Чайковский нашел оперу "малоинтересной и малодаровитой" и сказал это Корсову. Тот поспешил сообщить мнение Чайковского Соловьеву. Обиженный автор стал жаловаться, в том числе и Павлов-

ской, что Чайковский-де повсюду ругает его "Корделию", стремится подорвать успех оперы, еще не поставленной на сцене, и отзывается о ней неблагоприятно даже в разговорах с исполнителями.

Узнав об этом из письма брата Модеста, Чайковский решил написать Соловьеву. В своем письме он поставил вопрос столь принципиальный и важный – вопрос об этических отношениях между людьми искусства, – что выделение этого письма из ряда других документов мне кажется совершенно естественным. Тем более, что мы слишком редко касаемся этих вопросов в печати. Вот оно, это письмо.

г. Клин, с. Майданово, 5 июня 1885
Милостивый государь
Николай Феопемптович!

Сегодня узнал я через брата, видевшегося не так давно с Э.К.Павловской, что в беседе с нею Вы сетовали на меня, что я повсюду разглашаю о негодности Вашей оперы "Корделия" и стараюсь враждебно расположить к Вашей музыке артистов, которым придется в ней участвовать.

Подобное обвинение столь не заслужено мною, столь резко противоречит моим правилам и характеру, что оно задело меня за живое и я чувствую, что не успокоюсь, пока не восстановлю фактов и не оправдаю себя в Ваших глазах.

Г.Корсов нынешней зимой предложил мне однажды познакомить меня с "Корделией", которую он ставит чрезвычайно высоко. Я очень был заинтересован этой оперой и, посетивши г. Корсова, проиграл все, что он считал наиболее выдающимся. К крайнему моему прискорбию, должен сознаться, что музыка Ваша не понравилась мне и что я не мог согласиться с восторженными отзывами г. Корсова, каковое мое несогласие и высказал ему не как артисту, имеющему участвовать в опере, а как знакомому. Теперь мне приходится сожалеть об этом, и если, высказывая неодобрение Вашей музыке перед г. Корсовым, я поступил слишком откровенно, – то каюсь в своей ошибке и прошу вас извинить меня, хотя увлечение г. Корсова Вашей музыкой так велико, что вряд ли я поколебал его уверенность в превосходных качествах "Корделии".

За сим могу дать Вам честное слово, что ни одному артисту, ни одному из людей в театральных сферах власть имеющему, ни одному из дружественно

связанных со мной капельмейстеров столичных опер, одним словом решительно никому в артистическом мире об опере Вашей не говорил ничего, сознавая вполне, насколько подобный образ действия (то есть порицание оперы, имеющей быть поставленной, со стороны собрата по искусству) неблагоприятен и недостойн честного человека, каковым мне бы хотелось, чтобы Вы меня считали.

В заключение скажу Вам искренне, что если, услышавши оперу исполненной, я изменю о ней свое мнение (а это весьма возможно), то от души буду рад обогащению нашей музыкальной литературы и с величайшей охотой признаю Вас даровитым деятелем в сфере оперы.

Искренно уважающий
и преданный

П.И. Чайковский.

Чайковскому чужда боязнь "испортить отношения". В своей оценке он исходит из интересов искусства, оценивает оперу по существу и говорит о ней то, что думает. С другой стороны, ему и в голову не приходит подрывать авторитет "собрата по искусству", повлиять на успех его оперы, помешать ее постановке, повредить автору неблагоприятными отзывами в сферах "власть имеющих", среди артистов, среди капельмейстеров. Свое мнение он говорит Корсову "как знакомому", зная при этом, что Корсов причастен к сочинению оперы. После спектакля Чайковский, конечно, не скроет своего мнения: это не в его правилах, и годы работы в "Русских ведомостях" в качестве музыкального критика – лучшее тому доказательство. Но до исполнения он воздерживается от отзыва принципиально. В письме к Э.Павловской, написанном 20 июля 1885 года – через полтора месяца после того, как Чайковский счел необходимо объяснить с Соловьевым, – он, возвращаясь к этой истории, рассказывает о ней то же самое, что и Соловьеву, и пишет, что "именно по принципу избегал говорить про его "Корделию", хотя и мог бы", ибо познакомился с оперой "уже давно".

Мнение о "Корделии" сложилось у него определенное и неблагоприятное. И тем не менее Чайковский готов еще раз проверить свое впечатление, и в случае, если исполнение оперы, как пишет он Соловьеву, заставит его изменить мнение, он "с охотой" признает Соловьева "даровитым деятелем в сфере оперы".

Нет, это не пустые слова, не любезная концовка неприятного объяснения. Чайковский неоднократно возвращается к опере Соловьева в письмах и в дневнике. 27 сентября 1885 года он сообщает брату Модесту, что и играл "Корделию" – "очень плохо". 17 ноября того же – 1885 года: "Просматривал "Корделию". Проходит почти два года. И снова узнаем из дневника (запись 18 марта 1887 года), что Чайковский опять играл "Корделию" и записал: "Странная вещь".

Он проверяет себя. И только после этого в частном письме к Н. фон Мекк, формулируя свое отношение к композитору "новой русской школы", охарактеризовал, наконец, личность и творчество Н.Соловьева.

Окончание в следующем номере.